

СМЕРТЬ

И
ФОКУСНИК

ТОМ МИД

Том Мид
Смерть и фокусник
Серия «Джозеф Спектор», книга 1
Серия «Ядовитый детектив»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68969748
Смерть и фокусник: Издательство АСТ; М.; 2023
ISBN 978-5-17-151055-8

Аннотация

В Лондоне 1930-х годов знаменитый психиатр Ансельм Рис обнаружен мертвым в запертом кабинете. Нет ни улик, ни свидетелей, ни орудия убийства. Детектив Скотленд-Ярда, который ведет расследование, обращается к Джозефу Спектору – отставному фокуснику, ставшему сыщиком.

Спектор умеет объяснять необъяснимое, но даже он считает это дело очень странным. Допросив пациентов и домочадцев психиатра, он узнает их темные тайны, каждая из которых может быть мотивом для преступления. Когда же происходит второе загадочное убийство, на этот раз в лифте, сыщики понимают, что нужно срочно остановить преступника.

Содержание

Действующие лица	5
Часть первая. Рассказ вора (11 сентября 1936 года)	6
Глава I. Ядреная штука	6
Глава II. Мисс смерть	14
Часть вторая. Рассказ лжеца (12–14 сентября 1936 года)	28
Антракт первый. Человек в длинном черном пальто	28
Глава III. Три телефонных звонка	32
Глава IV. Та самая ночь	37
Глава V. El Nacimiento	49
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Том Мид

Смерть и фокусник

*Посвящается моим маме и папе и памяти о Дж.
Д. С.
(1906–1977)*

Tom Mead

DEATH AND THE CONJUROR

Серия «Ядовитый детектив»

©2022 by Tom Mead. Published by arrangement with
Mysterious Press.

© Шагина Е., перевод, 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2023

Действующие лица

Доктор Ансельм Рис, психолог

Доктор Лидия Рис, его дочь

Флойд Стенхаус, музыкант (пациент А)

Делла Куксон, актриса (пациент В)

Клод Уивер, писатель (Пациент С)

Бенджамин Тизел, импресарио

Люси Леви, актриса

Маркус Боуман, финансист и плейбой

Твиди, издатель

Пит Хоббс, мальчик-лифтер

Олив Тернер, экономка

Различные горничные, клерки и внештатные работники

Джордж Флинт, полицейский инспектор

Джером Хук, сержант полиции

Джозеф Спектор, профессиональный фокусник

Часть первая. Рассказ вора (11 сентября 1936 года)

*Для театра нужны длинные руки.
Сара Бернар, «Воспоминания о моей жизни»*

Глава I. Ядреная штука

Пятница, 11 сентября 1936 года

В театре «Гранат» страсти накалились, как масляные лампы.

– У вас моя сережка? – спросила Люси Леви. Рабочий сцены лишь недоуменно посмотрел на нее и не ответил.

Мисс Леви поворчала и пошла дальше. Она обошла всех сотрудников закулисья, пригибаясь под балками и огибая тележки с костюмами, хлопая сумрачными серыми веками и кривя розовые, капризные губы. Но от серьги не осталось и следа.

Это был последний прогон «Мисс Смерти» перед премьерой, поэтому атмосфера была натянута, как рояльная струна. Мисс Леви (вторая главная женская роль) в последние две

недели боролась с собой, чтобы сохранить самообладание по мере приближения ответственного момента. А серьга так и не находилась.

Люси вышла из-за кулис и направилась к центральной сцене, стуча каблуками по голому дереву: «Делла, если ты подрезала мою сережку...»

– Берегись! – раздался голос из-за кулис. Это был Бенджамин Тизел. Люси чуть не провалилась головой в открытый люк. Она остановилась в последний момент, занеся ногу над воздухом.

– Да, это чуть не закончилось неприятностью, – сказал второй голос. Двое мужчин вышли из-за кулис на противоположной стороне сцены, Тизел был в зеленом норфолкском костюме¹ (*охотничий костюм, отличительный знак солидного английского джентльмена – здесь и далее прим. пер.*), который он носил, чтобы утвердить свой авторитет. Другой мужчина был старше и одет – возмутительно – в черный плащ, подбитый малиновым шелком.

Мисс Леви едва перевела дыхание. Она посмотрела на Тизела, затем повернулась к другому мужчине:

– Вы кто?

– Люси, не груби, – укорил ее Тизел. Ему нравилось строить из себя школьного учителя. – Это Джозеф Спектор, – он произнес его имя так, словно она уже должна была знать, кто

¹ Охотничий костюм, отличительный знак солидного английского джентльмена (*здесь и далее прим. пер.*).

этот старик.

– Очень приятно. – Спектор улыбнулся. Улыбка у него была как у мертвеца. Казалось, он принадлежал к давно ушедшей эпохе; его костюм – из черного бархата – носил отпечаток увядшего блеска зажиточных 1890-х годов, а лицо было измято, как скомканная бумага. При этом его глубоко посаженные глаза были такого бледно-голубого цвета, который она едва ли когда-либо видела.

Хотя его походка и одежда выдавали в нем очень пожилого человека, голос у него был нежным и каким-то невинным. Он показался Люси человеком, которому может сойти с рук почти любое преступление.

Он объяснил:

– Мы как раз дорабатываем иллюзию для третьего акта. Будьте добры, покиньте сцену.

И Люси Леви, все еще запыхавшаяся и без серьги, ушла, не сказав ни слова. Но уходя, она услышала перешептывания.

– Боже мой, – тихо прорычал Тизел, – клянусь, когда-нибудь я убью ее.

– Боевой дух – вот что это такое. К тому же если вы оставите ее на произвол судьбы, она может погибнуть и без вашей помощи, – сказал Спектор, стоя на коленях возле открытого люка. – Все готовы? – спросил он.

– Да-да, сэр! – последовал ответ.

Спектор слегка улыбнулся, затем подмигнул Тизелу:

– Так давайте взглянем.

Возникла короткая пауза, а затем из люка бесшумно появилась жуткая восковая фигура. Ее уродливое лицо смотрело в пустой зал, а руки были скрючены, словно желая схватить кого-то.

– Превосходно, – одобрил Спектор, – хотя можно и побыстрее.

– По мне, так все в порядке, – заметил Тизел.

– Все должно произойти за долю секунды, Бенджамин. Я хочу, чтобы зрители визжали. Может быть, добавить смазки в механизм?

– Нет времени. Нам нужно отрепетировать монолог Деллы из второго акта. Где она?

Джозеф Спектор направился за кулисы. Из внутреннего кармана он достал портсигар с десятью узкими черными сигарами, вставил одну из них между зубов и прикурил, выдохнув в затхлый воздух шлейф ароматного дыма. Люси Леви наблюдала за ним из маленького затененного укромного уголка, расположенного в лабиринте закулисных коридоров. Она незаметно изучала этого «Джозефа Спектора».

Его возраст было трудно определить. В зависимости от освещения он выглядел то на пятьдесят, то на восемьдесят. Как и все фокусники, он мастерски создавал всевозможные иллюзии. Она не знала, что Джозеф Спектор не настоящее его имя, а псевдоним из другой жизни, из жизни фокусника в мюзик-холле. Но хотя он больше десяти лет как не высту-

пал, он приложил все усилия, чтобы сохранить свою знаменитую ловкость рук.

Сейчас он направился к служебному входу, где швейцар улыбнулся и, звякнув ключами, выпустил его в переулок. Люси последовала за ним, но не сразу выскочила за дверь, как это сделал он. Вместо этого она посмотрела на швейцара и, прижав палец к губам, приотворила дверь и выглянула наружу. Там она увидела Деллу Куксон в нелепой позе на мусорном ящике и в полном облачении.

– Делла, – заговорил Спектор, – что ты здесь делаешь?

Звезда улыбнулась ему:

– Ну, мне же надо где-то быть, не так ли?

Даже Люси была вынуждена признать, что выглядела Делла Куксон сенсационно. От дугообразных черных бровей до затененной ямочки на подбородке малейшее движение мышц ее лица могло вызвать вихрь эмоций. А копна золотисто-каштановых волос делала ее похожей на фотомоделю. Назвать ее величественной было бы неправильно: она была миниатюрной, но во всех ее жестах и выражениях чувствовалась почти сверхъестественная экспансивность и живость.

Однако как и многие творческие люди, она была подвержена периодическим приступам меланхолии, которые выводили ее из строя иногда на несколько недель подряд и испортили ей репутацию. Сегодня она выглядела мрачно, с бледной кожей и пунцовыми губами чахоточной больной при смерти.

– Еще и премьеры не было, – пожаловалась она, – а нас уже распинают. – Она взяла в руки газету. Заголовок из двух слов гласил: «БЕЗВКУСНАЯ СТРАШИЛКА».

– Никогда не думал, что ты из тех, кто принимает такие вещи близко к сердцу, Делла, – заметил Спектор.

– Тебе легко говорить. Это ведь не ты у них под прицелом.

– Тебе стоит знать, – продолжал старик, – что это шоу построено на *моих* трюках и иллюзиях. Они для меня как дети. Я лелеял их много-много лет.

Делла грустно улыбнулась и сменила тему:

– Сколько тебе лет, Джозеф? Мне любопытно.

– О, не меньше пятисот. Я отчетливо помню испанскую Армаду. Она испортила мне десятый день рождения.

Делла вежливо рассмеялась:

– Фокусники. Вы просто не в состоянии дать прямой ответ, не так ли?

– Нет, конечно. Именно поэтому Тизел и нанял меня. Прямые ответы его не устраивают. Признаться, «Мисс Смерть» – это зловещая история. И поэтому она требует самого сложного антуража. Вот что делает ее идеальной для этого зала. Он недавно отремонтирован. Все это великолепное пространство, которое нужно заполнить. Если Бенджамин не сможет собрать полный зал на такое шоу, никто не сможет.

– Старый добрый Бенджамин Тизел, – произнесла Делла с плохо скрываемым ядом в голосе. – Зачем он вообще послал тебя сюда? Я думала, ты жизненно необходим для прогона.

Для управления всеми этими монстрами, выскакивающими из-под половиц.

– Может быть, два месяца назад я и был жизненно необходим. Но в последние дни я, так сказать, понял, что я лишний.

– Наверное, странно видеть, как другие люди выполняют твои трюки.

– Сюрреалистично – наверное, более подходящее слово. Но все равно испытываю огромное удовольствие. В конце концов, они делают отличные фокусы. А это уже кое-что, не так ли?

Делла сделала глоток из фляжки:

– Хочешь?

Спектор взял у нее флягу:

– Что в ней?

Она пожала плечами:

– Вообще-то, я стараюсь не думать об этом.

Через некоторое время любопытство Спектора взяло верх:

– Почему бы и нет? – Он сделал маленький глоток. Алкоголь обжег ему заднюю стенку горла и прочертил огненную дорожку по пищеводу. Он издал сухое, гулкое покашливание. – Ядреная штука, – сказал он.

Делла рассмеялась:

– Да, Джозеф. Не рассказывай об этом остальным, ладно? О выпивке, я имею в виду. Я просто нервничаю перед премьерой. Я перестану, как только мы войдем в рабочий ритм.

Спектор улыбнулся, но ничего не ответил. Он быстро попрощался и ускользнул, оставив театр позади. До премьеры осталось недолго, всего несколько часов, и они прекрасно справятся и без него. Он бросил последний взгляд на рекламный щит над входом в театр (ДЕЛЛА КУКСОН В СПЕКТАКЛЕ «МИСС СМЕРТЬ»), прежде чем исчезнуть в тумане бродячих душ на Стрэнде. Просто еще одно серое пятнышко с воротником, поднятым против злющего осеннего воздуха, бредущее в сторону Сент-Мартин-ин-те-Филдс.

С хищной улыбкой Люси Леви закрыла дверь черного хода.

Глава II. Мисс смерть

Небо за окном дома в Доллис-Хилл приобрело чудовищный фиолетовый оттенок. Ранний вечер нависал над Лондоном. Доктор Ансельм Рис сидел за своим столом и делал заметки, а пациент А лежал на кожаном диване в дальнем конце комнаты, устремив взгляд в потолок с лепниной. Он рассказывал историю:

– И я не могу пошевелиться, лежу бездыханный и парализованный, как вдруг из темноты на меня смотрит пара глаз. Я озираюсь по сторонам, пытаюсь разглядеть, кто там, как вдруг дверь распахивается и эта темная фигура проскальзывает в комнату и встает там, у изножья моей кровати.

– Фигура кого? – Доктор Рис говорил с легким акцентом.

– Отца. – Рис кивнул: все было так, как он и ожидал. – Но он выглядел иначе, каким-то другим. Словно призрак.

– Ваш отец – я имею в виду вашего настоящего отца – он жив?

– Да. Я не видел его и не разговаривал с ним несколько месяцев, но он жив и здоров, все в порядке.

– У вас нет никаких страхов или тревог относительно его здоровья?

– Ничего такого. Но во сне он стоит у изножья моей кровати и смотрит на меня немигающими глазами. На нем что-то вроде халата, что-то, похожее на монашескую рясу. Я чув-

ствую себя так, словно лежу на жертвенном алтаре, как будто меня собираются принести в жертву какому-то языческому богу.

– А потом?

– А потом он поднимает руки и разрывает халат, обнажая голую грудь. И я... – Пациент А сделал небольшую паузу, собираясь с мыслями. Это была очень трудная для него история: – И я впервые вижу, что с ним произошло.

Доктор Рис выжидающе смотрел на пациента, занеся ручку над страницей. Молодой человек продолжил:

– Его грудная клетка стала... ртом. Грудь у него открывается, как пара челюстей, и я вижу ряд сверкающих, острых, как бритва, зубов. А в глубине груди, там, где должно быть сердце, я вижу... язык.

Пациент А прекратил свой монолог, и на его глаза навернулись слезы.

– Это конец сна? – спросил Рис.

– Нет. Нет, это не конец. Но не думаю, что смогу рассказывать дальше.

– Понимаю. Давайте на этом закончим сеанс. Но у меня есть несколько теорий о символической природе этого сна.

– *Отец!*

Пациент А вскочил на ноги.

– Кто это? – вскрикнул он. – Кто это зовет?

– Это всего лишь моя дочь, Лидия, – пояснил доктор Рис. – Она наверху. – Он подошел к двери и распахнул ее, а

затем крикнул в коридор: — Что случилось, Лидия?

— Маркус приехал, — прозвучало в ответ. — Его машина только что завернула за угол.

— Ах, — вздохнул доктор, повернувшись к пациенту. — Тогда, пожалуйста, позвоните мне завтра, и мы продолжим беседу. А пока я выпишу вам еще один рецепт на «Веронал».

— Я не знаком с вашей дочерью, — рассеянно проговорил пациент А.

— Да. В настоящее время она не принимает пациентов. Но у нее потрясающее психиатрическое чутье, и она работает над серией статей для New Statesman, — сказал Рис, наклоняясь над столом и небрежно записывая рецепт в блокноте. Он оторвал лист и протянул его молодому человеку.

— Если вас не затруднит, — предложил пациент А, — я выйду через французское окно.

— Конечно. Как я понимаю, вы хотите, чтобы наши встречи были конфиденциальными. Сейчас, позвольте мне, — и с этими словами пожилой доктор подошел к французскому окну и достал ключ из домашней куртки. Он открыл окно и выпустил своего пациента в сад, где в это время года были пустые клумбы с засохшей землей, огороженные серым камнем.

Пациент А был не так молод, как выглядел. В его бледных глазах чувствовалась какая-то усталость от мира. Он был чисто выбрит и небрежно одет: плохо сидящий твидовый костюм, который обтягивал живот. По профессии он был музы-

кантом, одним из лучших скрипачей филармонии. А по-настоящему его звали (ибо в конце концов его придется упомянуть) Флойд Стенхаус. Флойд забрал свои тревожные сны и рецепт с собой и, пройдя через сад и заднюю калитку, скрылся.

В его походке, когда он удалялся по Доллис-Хилл-роуд, было что-то не то. Конечно, любой, кто увидел бы его, принял бы его за одного из этих восхитительных английских эксцентриков с характером в лице и интеллектом в близко посаженных глазах. Но истинной причиной его пошатывающейся походки было то, что оттягивало карман его плаща. Засунув руку в карман, он почувствовал холодную рукоятку. Это был военный сувенир, подарок его дяди. Револьвер.

Сам Доллис-Хилл был богатым пригородом с широкими, извилистыми улицами, застроенными эдвардианскими домами, и пышными живыми изгородями. Дом Рисов был построен из прочного красного кирпича, его итальянский фасад украшали три ряда белых окон со створчатыми рамами, а углы были отделаны декоративным камнем. К парадной двери нужно было подниматься по каменным ступеням с улицы. Он был вполне похож на дом, который доктор Рис оставил в Вене.

Ансельм Рис открыл здесь, на северо-западе Лондона, свой кабинет, как только приехал сюда пять месяцев назад. Всю свою жизнь до этого момента он провел в Вене, но по личным и политическим причинам принял мучительное ре-

шение эмигрировать. Сейчас он был уже пожилым человеком с пульсирующей зубной болью и слабеющим зрением. Но его ум оставался острым, а его знаменитый стиль – непринужденно шикарным. Ему не потребовалось много времени, чтобы найти свою нишу в лондонском высшем обществе. Когда в конце февраля он сошел с борта корабля «Великолепный» в доках Саутгемптона, на нем были цилиндр и фрак. Он спустился по сходням, держа под руку единственное существо на земле, которое он ценил выше себя, – свою дочь Лидию.

В тот день, когда отец и дочь сошли на английскую землю, их встретили вспышки фотокамер. Лидия была очень фотогенична с игривой короткой стрижкой иссиня-черных волос и в модной одежде: ее шея была увешана бусами, а склонность к мужским твидам компенсировалась любовью к мехам. Кожа лица была гладкой, а черты лица – соблазнительными, как у Луизы Брукс. Говорила она мягко и с акцентом, томно перекатывая во рту слоги.

Рис и сам был не промах, когда надо было кого-то очаровать. Он ясно дал понять, что не намерен принимать новых пациентов. Не прошло и месяца, как он отказался от этого обещания. Он взял аж трех пациентов: двух мужчин и одну женщину. Их личности держались в строжайшем секрете: за эту информацию таблоиды заплатили бы большие деньги. В своих записных книжках он называл их только пациентами А, В и С. Но, конечно, Лидия знала, кто они такие, даже если

и не встречалась с ними. И важно отметить, что она никому ничего не сказала о них.

Доктор Рис закрыл и запер окно. Если не считать слабого запаха пота пациента, вызванного ужасом, создавалось впечатление, что к нему никто не приходил. Отвернувшись от стекла, он с удивлением увидел Лидию, которая стояла в дверях, уперев руки в боки.

Кабинет находился в самой задней части дома; это была огромная квадратная комната с высокими потолками, освещенная хрустальными люстрами, устланная турецкими коврами и заставленная полками с томами в кожаных переплетах: классика на разных языках и специализированные медицинские книги, все в идеальном состоянии. Комната была строгой, но в то же время в ней чувствовалась затхлая домашность, как будто в ней и жили, и не жили одновременно. Ее украшали лакированный письменный стол в стиле «бидермейер», диван, заваленный бархатными подушками (для пациентов), и камин из серого камня. В дальнем углу стоял большой сундук из тика. Куда бы вы ни смотрели, этот сундук постоянно присутствовал на периферии вашего зрения. Вырисовывался там, похожий на гроб и слегка зловещий.

– Ты не одет, – заметила Лидия.

– Одет.

– Ну точно не для театра.

Ансельм Рис вздохнул:

– Я совсем забыл.

– Что ж, тебе лучше поторопиться. Маркус здесь, и мы отправляемся через пятнадцать минут – с тобой или без тебя.

Это было непросто, но они успели. Ансельм Рис спустился по лестнице в вечернем костюме, поправляя галстук-бабочку, всего за минуту до назначенного времени.

– Доброго вам вечера, сэр, – приветствовал Маркус Боуман.

Ансельм Рис оглядел молодого человека с ног до головы. Парень был высоким и тщедушным, похожим на паука в костюме в полоску и аляповатом красном галстуке-бабочке. У него были усы, как у кинозвезды, и гладкие, блестящие черные волосы. Глаза были увлажненными и без признаков интеллекта, как у собаки.

Эта странная троица двинулась к машине Боумана – Austin Landaulet желтого цвета «шмель» – и отправилась в «Гранат».

Пока они ехали, доктор Рис изучал парочку, сидящую рядом с ним. Они не подходили друг другу. Лидия, конечно, была очень красива, но она была дерзкой интеллектуалкой. Маркус Боуман происходил из старинного рода финансистов и окончил одну из лучших частных школ, но был таким же пустым и бессодержательным, как наполовину накачанный воздушный шар. Он водил машину, как сорвиголова, а одевался, как какой-нибудь плейбой. Доктору Рису не мог смотреть на этого парня иначе как с презрением.

Лидия довольно быстро адаптировалась к новому окруже-

нию. К своим двадцати шести годам она уже защитила диссертацию по психологии. Однако ее теории расходились с отцовскими в самых значимых моментах. Можно даже сказать, что между ними существовало профессиональное соперничество. Но Лидия умела и хорошо проводить время. Она смело и без сопровождения ходила в самые модные ночные клубы Лондона, где ее красота и загадочная манера поведения девушки с континента привлекали внимание. Одним из ее любимых клубов был «Пальмира» в Сохо, где выпивка была дешевой, а джаз – почти невыносимо лихим.

Именно там она впервые встретила Маркуса Боумана, человека, который вскоре стал ее женихом.

Маркус Боуман был представителем золотой молодежи, с чуть неправильным прикусом, мощными коренными зубами и выпуклым адамовым яблоком, придававшим ему комичный вид недорисованной карикатуры из журнала «Панч» (*британский еженедельный журнал сатиры и юмора*). Он одевался как бонвиван, которым и являлся, носил бриджи и, как правило, сумку для гольфа через плечо. Не говоря уже об усах, которые однажды стали предметом статьи в *Top-Storey Chap* о мужском груминге и, казалось, лениво развалились у него на верхней губе, так же как он сам предпочитал разваливаться на мебели, вместо того чтобы на ней сидеть. Он говорил на малопонятном жаргоне вырождающихся английских буржуа, сопровождая каждое предложение словами «что-что» или «послушайте!» И все же Маркус, казалось,

делал Лидию счастливой...

Маркус припарковал машину, и троица вылезла наружу. Улицы гудели от предвкушения праздника, когда зрители собирались у «Граната» на премьеру. Ансельм со вздохом прочитал название пьесы «Мисс Смерть» на рекламном щите. Двери театра были широко распахнуты. Фойе было заполнено оживленной толпой, звенящими бокалами и шелестящими программками. Ансельм не был настроен на общение и угрюмо направился к своему месту. Лидия пошла с ним, а Маркус отправился купить сигареты в киоске.

– Что такое, папа? Ты не в духе.

– О, я в порядке, – сказал старик. – Просто устал.

– От чего? – спросила его дочь.

– Кажется, это доктор Джонсон сказал: «Человек, который устал от Лондона, устал от жизни». Я ответил на вопрос? – Он слегка улыбнулся в ответ на ее полуулыбку.

В этот момент пожилой человек в плаще с шелковой подкладкой, похожий на злодея из дешевой страшилки, извинился и проскользнул мимо них вдоль ряда кресел. Рис с минуту изучал его, прежде чем снова обратить внимание на сцену. Он сверился с часами. До начала оставалось около пяти минут.

– Так кто же эта Хелен Куксон? – спросил Маркус, вернувшись с сигаретами.

– Делла Куксон, – поправила его Лидия. – Она одна из величайших актрис эпохи. Не будь таким ограниченным, Мар-

кус.

В этот момент занавес поднялся.

Первый акт прошел и закончился. Люси Леви отличалась живостью, а Делла с первого своего появления приковала к себе восторженные взгляды зрителей. Даже угрюмый старый доктор Рис подался вперед, когда она появилась на сцене. Короткий антракт перед вторым актом, а затем все пошло по новой. Еще больше потрясений и смеха, а парень в плаще рядом с ними приходил в полный восторг от некоторых эффектов на сцене.

Антракт между вторым и третьим актами был более продолжительным, поэтому Рис отважился выйти в бар. Не успел он встать, как сзади раздался голос, назвавший его по имени:

– Извините, что лезу не в свое дело, но вы доктор Ансельм Рис?

Рис повернулся:

– Да. Чем могу быть полезен?

– Меня зовут Тизел. Бенджамин Тизел. Я продюсер и режиссер этого маленького Гран-Гиньоля². – Импресарио был в черном галстуке и сжимал в чуть дрожащей руке мартины.

– Тогда я должен вас поздравить. Ваша работа оказывает глубокое воздействие на зрителей.

– Очень любезно, спасибо. – Мужчина склонил голову с наигранной скромностью. – Надеюсь, я не помешаю, но я хо-

² Парижский театр ужасов.

тел бы передать приглашение вам и вашей дочери.

– Вот как?

– На завтрашний вечер. Вечеринка у меня дома в Хэмпстеде. Я решил подождать, пока выйдут рецензии, – вот почему я устраиваю вечеринку завтра вечером, – объяснил он.

– Значит, вы настроены оптимистично?

Тизел усмехнулся:

– Просто оглянитесь вокруг, доктор! Посмотрите на это море улыбающихся, болтающих людей. Это, друг мой, зрители шоу, которое будет идти и идти. Но я хочу подождать, пока об этом не напишут в рецензиях. Тогда я смогу наслаждаться напитками и музыкой без дамоклова меча завтрашних газет.

– Понятно. Интересное предложение, но, боюсь, у меня есть планы на завтрашний вечер.

– Правда? Какая жалость. Я бы с удовольствием послушал интерпретацию этой дьявольской маленькой драмы от психиатра. Что ж, возьмите мою визитку, если вдруг передумаете. О, Эдгар! Эдгар Симмонс! – Внимание Тизела привлек другой гость. – Эдгар, где вы прятались последние несколько месяцев? – и продюсер растворился в море поклонников.

Рис был не против вечеринок время от времени: в конце концов, это улей потенциальных пациентов. Но что-то в Тизеле ему не понравилось. Вокруг него витал запах грязного шоу-бизнеса. Рис слегка вздрогнул и вернулся в зал на свое место как раз к началу третьего акта.

– С кем это ты разговаривал? – спросила Лидия.

– Бенджамин Тизел. Он режиссер этой... феерии. Хочет, чтобы я пришел к нему на вечеринку завтра вечером.

– Боже правый. От них никуда не деться.

При упоминании имени Тизела человек в плаще навестил уши. Казалось, он вот-вот вмешается в семейную беседу Рисов. Но тут поднялся занавес.

В третьем акте все разрозненные элементы пьесы наконец-то сплелись воедино. Был особенно жуткий трюк с люком, который заставил вздрогнуть даже доктора. Зрители ахнули. Опустился занавес, и сразу зазвучали восторженные аплодисменты. Некоторые даже вскочили на ноги, когда Делла Куксон вышла на поклон.

Делла прошла вперед под светом прожекторов, поклонилась и получила роскошный букет от поклонника в первом ряду. Она стояла со слезами на глазах, наслаждаясь восхищением публики. Она умела создавать впечатление, что смотрит в глаза каждому зрителю в отдельности. Но впечатление не соответствовало действительности: на самом деле в тот вечер она смотрела только на одного человека, чье лицо сразу же узнала в толпе. На доктора Ансельма Риса.

Когда он выходил из зала, капельдинер передал ему записку. Окружавшие его зрители возвращались в фойе и бар, обмениваясь впечатлениями о вечернем спектакле. Рис остановился и развернул бумажку.

– Идите без меня, – кинул он Маркусу и Лидии.

– Но как ты доберешься домой?

– Возьму такси. Не беспокойтесь обо мне, – и он проскользнул сквозь толпу.

Капельдинерша проводила его через бар за кулисы.

– Сюда, сэр, – Она открыла перед ним дверь.

Рис шагнул и оказался в другом мире. Рабочие сцены праздновали премьеру, а помощник режиссера перелистывал потрепанную копию сценария, внося быстрые и безжалостные правки огрызком карандаша. Рис проследовал за капельдинершей по длинному коридору к гримерке звезды спектакля. Они постучали в дверь.

– Минутку, – раздался голос изнутри.

Рис подождал.

Затем дверь открыла звезда шоу, Делла Куксон. И только для доктора Риса она была пациенткой В.

Она вся сияла и светилась, приветствуя его, и даже ласково чмокнула его в щеку. Актриса пригласила его сесть в кресло перед зеркалом для макияжа, а затем захлопнула дверь перед лицом капельдинерши.

– Как вам понравилось шоу, доктор?

– Моя дочь – поклонница триллеров, – ответил он, встретившись с ней взглядом в зеркале. – Кажется, вы что-то уронили, Делла.

– Где?

Рис указал на что-то блестящее на ковре:

– Вот. Что это?

Он наклонился, чтобы поднять предмет.

– Просто украшение.

Он передал его Делле, которая сунула его в карман своего кимоно. Это была золотая сережка.

Делла села и начала снимать макияж.

– Почему вы пригласили меня сюда сегодня, Делла?

Пациентка В вздохнула и посмотрела на себя в зеркало. Затем медленно повернулась к нему.

– Потому что, доктор, я совершила кое-что ужасное.

Часть вторая. Рассказ лжеца (12–14 сентября 1936 года)

«В искусстве иллюзий сегодня, как и всегда, важен эффект.

Используемый метод, или методы всегда вторичны».

Дай Вернон

«Я рад сообщить, что большинству людей нравится запертая комната. Но вот загвоздка, даже любители темы часто не могут разобраться в происходящем».

Джон Диксон Карр, «Человек-призрак»

Антракт первый. Человек в длинном черном пальто

Суббота, 12 сентября 1936 года

Как и нищие художники в революционном Париже, Клод Уивер писал свои романы на чердаке.

Чердак, о котором идет речь, располагался над его двух-

этажным домом в Хэмпстеде; он был переделан таким образом, чтобы в нем можно было разместить книжные полки и письменный стол. Его жена часто грешила преувеличением, что он редко спускается с чердака и предпочитает его обществу жены. Это было не вполне правдой. Он выходил часто, просто хотел, чтобы она этого не замечала.

По своей природе Уивер был человеком незаметным, таким, мимо которого можно было пройти на улице, не обратив на него ни малейшего внимания. Если бы вы познакомились с ним, то сочли бы его тихим, сдержанным, даже застенчивым. Он *никогда* не давал интервью. Он *никогда* не показывался на литературных обедах или благотворительных вечерах.

Учитывая это, его жена Розмари теперь казалась полна решимости вытащить его из уютного кокона на свет божий. Она была женщиной умной и часто непостижимой. Но она не понимала, что его одиночество было жизненно важным компонентом его творчества. С этого и начались все проблемы.

И сейчас, утром 12 сентября, он, как обычно, сидел за письменным столом на чердаке, а перед ним стояла пишущая машинка и лежала стопка чистой белой бумаги. Но что-то было не так. Сегодня слова не приходили. У него была назначена встреча перед обедом, но до этого он решил провести пару часов за писательством.

Это оказалось труднее, чем предполагалось. Что-то отвле-

кало его. Он встал, размял ноющие конечности и зашагал по чердаку. Там было небольшое круглое окно, через которое на письменный стол падал узкий луч света. А еще из него открывался неплохой вид на улицу. Он подошел к окну. Почти прижавшись носом к стеклу, выглянул наружу. И тут он увидел человека в черном пальто.

Как давно это началось? Возможно, с неделю. Неделя прошла с тех пор, как Уивер впервые осознал это неясное присутствие. *Что-то* преследует его. Теперь часы бодрствования были поглощены почти сверхъестественным чувством нависшего ужаса. Он вспомнил рассказ Мопассана «Орля» и впервые задумался о том, не сходит ли он с ума. Его паранойя так разыгралась, что Розмари начала ее замечать. А этого он не мог допустить. До сих пор ему удавалось себя контролировать. Но утром двенадцатого числа он случайно выглянул из окна чердака и впервые заметил человека в черном пальто.

Об этом человеке мало что можно было сказать, кроме того, что это мужчина. Он неподвижно стоял на тротуаре напротив, глядя в окно. Но на нем было длинное пальто, а верхняя половина лица скрывалась под тенью от широкополой шляпы. Все, что Уивер смог разобрать, так это то, что мужчина был чисто выбрит.

Уивер с грохотом спустился на два лестничных пролета и распахнул входную дверь. Он не знал, что будет делать, если этот человек окажется там, не думал об этом заранее. Он

понимал, что ему придется столкнуться с этим человеком, противостоять своему страху. Но улица была пуста. Мужчины не было.

Клод Уивер осторожно закрыл дверь, к которой прилипли серые листья, принесенные осенним ветром.

Глава III. Три телефонных звонка

В Доллис-Хилл день начался с телефонного звонка. Ансельм Рис, который встал поздно, был у своего стола и взял трубку.

– Доктор Рис?

Он узнал голос в трубке. Голос принадлежал пациенту С, который был каким-то писателем. Настоящее имя этого человека было Клод Уивер. Рис специально не читал его произведений.

– Мистер Уивер. – В голосе Риса сквозило нетерпение. – Похоже, вы пропустили утренний сеанс.

– Я сожалею. Кое-что произошло. Я не смогу прийти. Я, конечно, заплачу за сеанс. Но не смогу прийти к вам сегодня.

– Для этого есть какая-то причина?

– Мне очень жаль, – и с этими словами пациент С положил трубку. Рис, покачивая головой и бормоча про себя, достал свой журнал с расписанием и пролистал его до сегодняшней даты. Нашел там запись «ПАЦИЕНТ С» и зачеркнул авто-ручкой.

– Миссис Тернер, – позвал он, – утренний прием отменили. – Чем мне занять свое время?

В кабинет вошла экономка с подносом, уставленным чайными принадлежностями. Олив Тернер работала экономкой в доме Рисов с того дня, как они впервые переступили порог.

Она была дотошной женщиной, которую некоторые считали лишенной чувства юмора. Однако доктор Рис отметил в ней сдержанность и остроумие, которые очаровали его. Излишне говорить, что она также была очень искусна в своем деле. Дом содержался в идеальном порядке, а еда всегда была приготовлена безупречно.

– Статьей, – сказала она с притворной строгостью. Речь шла о статье, которую он якобы писал для одного уважаемого психиатрического журнала. Даже сам автор считал ее тупой, как нож для масла. Ему было трудно сосредоточиться на ней, когда три его пациента сами по себе были столь интересными объектами для изучения.

Рис усмехнулся Олив:

– Вы знаете, что я ценю вашу лапидарность, миссис Тернер. Именно поэтому я нанял вас. Никакого лишнего словоблудия.

Олив Тернер одарила его сдержанной улыбкой.

В этот момент снова зазвонил телефон. Миссис Тернер ставила все для чай на маленький столик со стеклянной столешницей в центре комнаты, пока доктор отвечал на звонок:

– Рис слушает. Кто это?

За звоном посуды Олив смогла разобрать неясный голос на другом конце линии. И все.

– Понятно, – сказал Рис в трубку. – Можете рассказать мне больше?

Снова тот же нечеткий голос. Олив, уже не скрывая лю-

бопытства, выпрямилась, чтобы послушать.

— Понимаю... — повторил доктор, глядя в сторону французского окна. — Звучит... проблематично. — Еще одна, более продолжительная пауза. — Да, я буду ждать, — и положил трубку.

Олив Тернер вспоминала этот второй телефонный разговор позже вечером и сожалела, что не могла расспросить о нем доктора. Как и многие другие подслушанные и полужабытые разговоры, второй звонок оказался решающим.

* * *

Лидия Рис вскрикнула. Переворачивая страницы «Эликсиров сатаны» в кожаном переплете, она порезала уголком большой палец, из которого кровь закапала на страницу. Она попыталась высосать кровь, изо всех сил стараясь не замечать боли и сосредоточиться на тексте. Но было слишком поздно. Она больше не могла читать.

Со стоном она захлопнула книгу и поставила обратно на полку. Она работала в своей комнате на втором этаже. Сегодня был день, который она выделила для учебы. Вскоре ей предстояло открыть собственную психиатрическую практику, и уже сейчас она всерьез задумалась о составлении списка желательных пациентов.

Она сознательно искала общества лондонских аристократов. Исключительно в качестве наблюдателя, как вы понима-

ете. В ее глазах феномен английского высшего класса представлял собой увлекательную культурную дихотомию. Старейшины этого сословия, как в каком-нибудь племени времен Палеолита, были образцами деспотичной социальной благопристойности. Но жестокая война расколола общество. Границы между классами систематически разрушались. Разрушалась и эта оболочка благопристойности.

Независимо от класса молодое поколение (те, кто достиг совершеннолетия во время или после Первой мировой) проявляло склонность к анархизму. Не только в политике – социалистическое движение была на подъеме, – но также и в отношении к искусству, к музыке, ко всему.

Именно по этому пути развивались теории Лидии. Она уже набросала конспект статьи под условным названием «Теория англичан». Не слишком ли это громкое и помпезное название? Она сможет это понять, когда начнет работать со своим первым пациентом, первым настоящим пациентом.

Ее фантазии резко прервал стук в дверь спальни.

– Войдите, – сказала она, продолжая сосать большой палец.

Это была Олив Тернер:

– Вас к телефону внизу, мисс Рис.

– Странно, – удивилась Лидия, – я не слышала, как он звонил.

– Он не умолкает все утро, мисс. – Несмотря на многочисленные просьбы, экономка никак не могла заставить себя

называть молодую хозяйку «Лидия».

– И кто же это?

– Мистер Маркус Боуман.

Лидия вздохнула:

– Скажи ему, что я не могу с ним разговаривать. А еще лучше, скажи ему, что меня нет дома.

– Я думаю, он звонит, чтобы уточнить, когда заехать за вами сегодня вечером. Вы же собираетесь на встречу с ним?

Маркусу удалось забронировать для них столик в «Савое». Он давно обещал угостить Лидию лучшими блюдами лондонской кухни, но частые игры в гольф мешали его планам. Теперь столик наконец был заказан, и дата была назначена.

– О да. Думаю, что пойду с ним сегодня вечером. Скажите ему, что я пойду с ним. Он может заехать за мной в восемь. Пожалуйста, скажите ему, чтобы он не опаздывал.

Лидия слегка улыбнулась. Эту улыбку Олив Тернер вспомнит на следующий день и будет гадать, что она означала.

Глава IV. Та самая ночь

– Маркус, – приветствовала Лидия своего кавалера с улыбкой, одновременно привлекательной и плотоядной.

– Эй там, на палубе, – отозвался он, переступая порог и целомудренно чмокая ее в щеку. Был ранний вечер, часы еще не пробили восемь, но сумерки уже сгустились, и атмосфера была гнетущей. Лидия была одета в атласное вечернее платье, на шее висело рубиновое ожерелье. Драгоценный камень уютно расположился у нее между ключицами и сверкал в свете уличных фонарей.

– Я бы пригласила тебя в дом, – сказала Лидия, – но миссис Тернер убирается. Не думаю, что ей это понравится.

Это была ложь: Олив Тернер закончила уборку несколько часов назад. Сейчас она была на кухне и усердно готовила ужин для доктора.

Лидия вышла на улицу и уже собиралась захлопнуть за собой дверь, когда в прихожей появился Ансельм Рис.

– Добрый вечер, Маркус, – произнес он.

– Добрый вечер, сэр.

– Мы опоздаем к ужину, отец, – проговорила Лидия с принужденной беспечностью. – Маркус собирается отвезти нас в город.

– Вообще-то, – возразил Маркус, – я думал, что мы можем взять такси. Оставлю машину здесь. Так мы сможем повесе-

литься по-настоящему.

– Как хочешь, дорогой! – Она взяла Маркуса под руку и позволила ему отвести ее на тротуар. Свободной рукой он подозвал проезжающее мимо такси. Ансельм Рис стоял в дверях и смотрел, как молодая пара забралась в машину, и та с ревом умчалась в ночь.

Как только они скрылись из виду, доктор Рис вернулся в столовую, где в одиночестве сел за стол, потягивая херес.

– Как-то странно она себя ведет, как вы считаете? – заметила Олив, ставя перед ним блюдо с тушеной говядиной.

– Она моя дочь, – ответил Рис, – какого еще поведения от нее ждать? – Он сказал это как бы шутя, но в каждой шутке есть и доля правды.

Ровно в девять вечера Олив принесла ему ужин. К тому времени он удалился в кабинет, и когда экономка постучала в дверь, попросил:

– Подождите минутку.

Она услышала, как он поднялся с кресла и зашаркал в ее сторону, затем повернул ключ в замке и открыл тяжелую дверь из красного дерева. Он слегка нахмурил брови, словно был недоволен, но кроме этого в его поведении не было ничего такого, что могло бы ее беспокоить.

Она передала ему тарелку с нарезкой сыров (он стоял в дверях и явно не хотел, чтобы она входила), и он поблагодарил ее. Затем сказал ей, что у него есть просьба:

– Олив, сегодня вечером ко мне придет гость. Скорее все-

го, он подойдет к парадной двери, поэтому не беспокойтесь, когда он придет. Просто впустите его и направьте в кабинет.

– Вы не хотите, чтобы я сама проводила его в кабинет, сэр?

– Нет. – Это было твердое указание, одно из немногих, которые Ансельм Рис когда-либо давал ей. – Просто впустите его и скажите, где меня найти. А потом ложитесь спать.

Олив открыла рот, чтобы задать еще один вопрос, но Рис отступил с тарелкой в руках и захлопнул дверь у нее перед носом. Замок с треском защелкнулся. Слегка обидевшись, она вернулась на кухню.

Два часа спустя – ровно в одиннадцать – в окно начал стучать унылый мелкий осенний дождь. Олив все еще сидела на кухне, кутаясь в халат и потягивая какао из кружки, читая газету при свете газовой лампы. Вечер тянулся медленно.

Вскоре после того, как часы пробили четверть двенадцатого, раздался стук в парадную дверь, который вывел Олив из дремоты. Поднявшись на ноги, она вышла из кухни в прихожую, где увидела силуэт на фоне матового стекла. Почувствовав внезапный страх, она навесила на дверь цепочку и слегка приоткрыла ее, чтобы рассмотреть посетителя.

– Да? – произнесла она едва ли не шепотом.

– Могу я войти? – сказал мужчина. На нем была низко надвинутая на лоб фетровая шляпа, а шея и подбородок были замотаны толстым шарфом, заглушавшим речь. Больше Олив почти ничего не смогла различить.

– Кто там?

– Я пришел к доктору Рису.

Стиснув зубы, Олив вспомнила наставления доктора. С неохотой она сняла цепочку с двери и впустила его в прихожую.

– Взять ваши шляпу и пальто, сэр?

– Нет, спасибо, – ответил мужчина низким и хриплым голосом. Он сразу же направился к лестнице.

– Сэр! – возмутилась Олив. – Если вы ищете доктора Риса, его кабинет дальше по коридору, крайняя дверь справа.

Незнакомец остановился и бросил нетерпеливый взгляд в ее сторону, после чего зашагал в указанном ею направлении. Олив стояла и смотрела, как незнакомец дошел до двери кабинета, без колебаний постучал и сразу же был впущен.

Олив не смогла противиться любопытству. Она прокрадась по коридору к кабинету. Конечно, он был заперт, а ключ был в замочной скважине, но она не смогла удержаться и на несколько секунд прижалась ухом к дереву.

– Непохоже, что вы удивлены нашей встречей, – произнес незнакомец.

– Вовсе нет, – ответил доктор, и его голос звучал тихо, очевидно, приглушенный деревом. – Я ждал вас.

– Правда? – последовала короткая, но тревожная пауза. Если кто и говорил что-то, это было невозможно услышать за биением сердца Олив.

Затем незнакомец заговорил снова:

– Ваша экономка нас подслушивает.

Олив почувствовала, что может умереть прямо там, в коридоре: всплеск адреналина и ужас в груди вполне могли оказаться смертельными. Закрыв рот рукой, она бросилась прочь.

Чтобы успокоиться, ей потребовалась рюмка бренди. Сердце у нее все еще колотилось, когда она сидела одна на кухне. В этом незнакомце было что-то очень пугающее. Тем временем дождь, не прекращаясь, бил по стеклу, создавая стремительный ритм, как барабаны аборигенов.

Олив наострила уши, услышав звук отпираемой двери кабинета и шаги уходящего незнакомца. С момента его прихода прошло около получаса. Приоткрыв дверь на кухню, она наблюдала через щель, как незнакомец – снова одетый в шапку, шарф и пальто – направился к входной двери. Она хотела было выйти вслед за ним и сказать: «Я провожу вас, сэр», но не смогла заставить себя.

Она прокралась по коридору и увидела, как незнакомец открыл входную дверь и вышел на улицу. Дверь за ним захлопнулась. Она смотрела, как силуэт удаляется и исчезает из виду. Только тогда она вышла из своего укрытия и заперла входную дверь на двойной засов.

Затем она направилась к кабинету доктора. Постучала в дверь:

– Все в порядке, сэр?

– В порядке, в порядке, – последовал ответ. На взгляд

Олив, он прозвучал слишком поспешно.

– Вы уверены, сэр? Принести вам что-нибудь? Стаканчик на ночь?

– Нет, спасибо. На сегодня все.

Олив на мгновение замерла. Затем все же не удержалась:

– Могу я поинтересоваться, кто приходил к вам сегодня вечером, сэр?

Последовала пауза. Олив слышала дыхание по ту сторону двери.

– Просто старый друг, – пояснил он едва ли не шепотом. – Спокойной ночи.

Олив повернулась, чтобы уйти. Теперь, решила она, нужно действительно лечь спать. Но когда она направилась к лестнице, призрачную тишину дома и мерный стук дождя нарушило дребезжание телефона. Олив испуганно вскрикнула и остановилась как вкопанная. Она направилась к тому, который висел на стене в коридоре, но дошла до него слишком поздно. Телефон замолчал.

Она услышала, как доктор поднял трубку у себя в кабинете и едва различимо промычал:

– Что случилось?

Снова пауза.

– Понимаю. – Его тон смягчился. – А потом что?

Олив вновь заняла позицию у двери кабинета, прижав ухо к холодному дереву. Она услышала знакомое царапанье ручки по блокноту. Доктор делал быстрые записи. У нее возник-

ло искушение поднять трубку и подслушать разговор. Но, конечно, такое поведение было бы просто недопустимо.

– Хорошо, это хорошо, – сказал доктор. – Но теперь вам лучше поспать. Действительно, уже слишком поздно обсуждать это. Приходите ко мне завтра. В десять часов. Тогда мы сможем поговорить более подробно. Хорошо. Спокойной ночи.

И он положил трубку.

Олив снова направилась к лестнице. Поднявшись на первую ступеньку, она вспомнила, что забыла книгу на кухонном столе. Вздохнув, она повернула назад.

В конце концов с книгой в руках она в последний раз прошла по коридору к лестнице.

– О господи! – воскликнула она, испугавшись, и выпустила книгу из рук. Книга шлепнулась на кафельный пол.

В матовом стекле виднелся силуэт, осторожно стучавший во входную дверь. Еще один посетитель?

– Кто это? – спросила она.

– Впустите меня! – прозвучало в ответ. Голос был женский.

– Кто это? – настаивала Олив.

– Дождь идет! Пожалуйста, впустите меня!

Олив подкралась к двери и дрожащей рукой отодвинула засов. Затем распахнула дверь, и в дом влетела женщина. Это была актриса Делла Куксон.

– Слава богу, – выдохнула Делла. – Мисс Куксон! Что вам

нужно в такой час?

– Мне нужно увидеть доктора Риса. Пожалуйста, это срочно.

Олив на мгновение замерла, уперев руки в боки и постукивая ногой:

– Хорошо, я посмотрю, что можно сделать. Но ничего не обещаю. Я знаю, что доктор все еще работает у себя в кабинете. Но обычно он не принимает пациентов так поздно. Вам лучше пройти в дом.

Она направилась к кабинету, остановилась у двери и собралась постучать. И трижды настойчиво постучала.

Они ждали.

– Доктор Рис! – позвала Олив. – К вам посетитель!

Плечи Деллы Куксон вздымались от судорожных вдохов. Кроме дождя это был единственный звук в доме. Олив снова прижала ухо к дереву.

– Доктор Рис? – повторила она.

– Пожалуйста, – сказала Делла, – я должна его увидеть. Это крайне необходимо.

Олив громко постучала в дверь. Затем встала на колени и заглянула в замочную скважину, но, конечно, обзор загораживал этот дурацкий ключ. Она наклонилась вперед, почти касаясь носом кафельного пола, и попыталась заглянуть под дверь. Все, что она смогла разглядеть, – это тонкую полоску света.

– Что-то не так, – задумчиво проговорила она.

Олив оставила Деллу одну в коридоре и побежала на кухню. Через полминуты она вернулась с карандашом и пачкой бумаги. Это был старый трюк, настолько избитый, что вряд ли нуждается в пояснении на этих страницах. Она подсунула бумагу под дверь, а карандаш вставила в замочную скважину. Затем услышала стук, с которым ключ выскочил с другой стороны, вынула бумагу из-под двери и достала ключ. Маленький ловкий трюк, хорошо знакомый ей по бульварным романам.

Она с трудом поднялась на ноги, открыла дверь и вошла внутрь, а Делла последовала за ней. Начнем с того, что в комнате не было ничего необычного. Свет горел, стол был завален бумагами. Кресло доктора было развернуто к окну, а сам он развалился на нем.

Олив шагнула к нему. Посмотрела на его лицо. Ее сердце стучало так громко, что она едва слышала крик Деллы.

Доктор Ансельм Рис, мертвый, лежал в кресле, его лицо напоминало белую маску, а на горле была страшная багровая рана. Пятно крови образовало слюнявчик у него на груди. Глаза были полуприкрыты и выглядели сонно, а руки были смиренно сложены на коленях.

– Закройте дверь, – попросила Олив.

– Что? – заикаясь, спросила Делла.

– Дверь! Я не хочу, чтобы его дочь пришла домой и увидела его в таком состоянии.

Делла сделала, как ей было сказано, – захлопнула дверь

кабинета. Олив уже держала в руке телефонную трубку.

– Два три один, Доллис Хилл, – произнесла она. – Доктора Ансельма Риса убили. – Пока она сообщала скудные подробности, то оглядела комнату и кое-что заметила. – Окна заперты, – сообщила она, положив трубку.

– Что? – Делла всполошилась.

– Окна. Они заперты изнутри. – Чтобы доказать это, она взялась за одну из ручек и подергала за нее. Ручка не сдвинулась с места. Из замка торчал ключ.

– И что?

– Тогда как убийца смог уйти?

– В смысле?

– Он не мог выйти через коридор. Я все время была там. И меньше пяти минут назад – *пяти минут* – я могу с уверенностью сказать, что доктор был жив и здоров в этой комнате, потому что я слышала, как он говорил по телефону.

Делла задумалась над этим:

– Окно не может быть заперто. – Она протянула руку и подергала ручку. Но створки не сдвинулись с места.

– Заперто изнутри, – сказала Олив, – так же, как и дверь.

Делла повернулась и с содроганием посмотрела на труп, а потом увидела в дальнем углу комнаты деревянный сундук... Олив поймала взгляд Деллы и кивнула в его сторону. Делла недоверчиво нахмурилась. Олив пожала плечами, как бы говоря:

– А где же ему еще быть?

Обе женщины осторожно прошли по мягкому плюшевому ковру к сундуку. Олив посмотрела на Деллу и прижала палец к губам. Она взяла кочергу из камина и подняла ее над головой. Затем быстро кивнула Делле.

Делла наклонилась вперед и открыла сундук.

Олив издала яростный боевой клич и замахнулась кочергой, как теннисной ракеткой, но ударила в пустоту. Обе женщины заглянули в сундук. Он был абсолютно пуст.

– И где же убийца? – спросила Делла.

Олив выпустила кочергу из рук, и та упала на ковер.

– Я не знаю, – ответила она.

– Мне нужно выпить, – заявила Делла. Олив не ответила. – Нет, я серьезно. Мне действительно нужно выпить.

– На бюро стоит херес, – рассеянно предложила Олив.

– А ничего покрепче нет?

– На кухне есть бренди.

– Проводите меня, – попросила Делла. – Мне нужно выйти из этой комнаты.

Олив уступила:

– Может, вы и правы. Здесь нам делать нечего.

Обе женщины вышли из комнаты, и Олив направилась на кухню, но не раньше, чем захлопнула за собой дверь кабинета, снова закрыв там покойного доктора Риса.

После бокала бренди им обоим стало немного лучше. Их ужас не уменьшился, но они теперь были готовы к решению практических вопросов.

– Чего я не понимаю, – начала Делла, – так это куда мог деться убийца.

– Никуда, – решила Олив. – Ему некуда было идти.

Глава V. El Nacimiento

К тому времени, когда инспектор Джордж Флинт прибыл в дом Рисов, дождь утих. Его провели в комнату, где было совершено убийство. Ансельм Рис все еще сидел в кресле с перерезанным горлом.

– Ну и кошмар, – сказал Флинт, ни к кому конкретно не обращаясь. Так и было: голова Риса оказалась почти отрублена одним ударом. Но выражение спокойствия на его мертвом лице поразило даже такого стреляного воробья, как Флинт.

Отношение Флинта к преступности было философским; будучи в целом противником правонарушений, он все же видел в них общественную необходимость. Возьмем, к примеру, убийство. Большинство убийств – это грязные дела на задворках, в них нет никакой тайны или магии. Обычно преступником становится тот, кто был ближе всего к жертве. Но в последние несколько лет он все чаще замечал, что в городе, словно туман, появляется новый жанр преступлений. Это были загадочные преступления: как правило, они происходили в высшем обществе, когда людей в запертых комнатах убивали при маловероятных обстоятельствах, или когда, например, человека находили задушенным в заснеженном поле, а к трупу вел лишь один след.

Нельзя было позволять себе эмоционально вовлекаться

ни в одно дело. Нужно было сохранять дистанцию. Чтобы раскрыть преступление такого рода, нужен особый склад ума, которым Флинт просто не обладал.

– Есть следы оружия?

– Нет, – ответил Джером Хук. Это был напарник Флинта, долговязый молодой человек.

– Значит, убийца забрал его с собой. Или же спрятал его где-то в этой комнате. Есть успехи в поисках таинственного посетителя, который приходил сюда ранее вечером? Того, кто нагнал страху на миссис Тернер?

– Пока нет. Мы подключили к делу ищеек.

– Хорошо. Дайте мне знать, как только что-нибудь выведаете. А что насчет этой комнаты? Только не говорите мне, что мы имеем дело со всей этой ерундой про «герметично закрытое помещение».

– Боюсь, что да, сэр. И Олив Тернер, и Делла Куксон подтвердили, что дверь кабинета была заперта изнутри. И как вы сами видите, окно тоже заперто изнутри.

– Но убийца должен был выбраться этим путем. Если бы он прошел через дверь в холл, Олив увидела бы его. Это значит, что он должен был пройти через окно, а затем с помощью какой-то хитрости запереть его изнутри.

– Боюсь, это невозможно, сэр. Видите ли, к моменту убийства уже давно шел дождь. А прямо за окном находится клумба, следом за которой виднелась лужайка. Так что никто не мог уйти этим путем, не оставив следов. А их, как ви-

дите, нет.

В саду *были* отпечатки мужской обуви, но они не вели ни к дому, ни к окну. Значит, кто-то был в саду той ночью, во время ливня. Но кто бы это ни был, невозможно было сказать, произошло ли это до, во время или после убийства. Это мог быть даже неуклюжий констебль. Случались и более странные вещи.

– Понятно. – Флинт рассматривал труп, сцепив пальцы. – Итак, у нас есть убийца, который исчез, как призрак. Мы абсолютно уверены, что Рис был жив, когда таинственный человек ушел?

– Да. Он говорил с Олив через дверь. И было слышно, как он отвечал на телефонный звонок.

– Значит, убийство произошло в течение нескольких минут между уходом посетителя и приходом Деллы Куксон. Мы же это предполагаем?

– Похоже на то, сэр.

– А мы знаем, почему мисс Куксон нанесла ему визит так поздно?

Хук пожал плечами:

– Она в гостинной, сэр. Ждет, допроса. Экономка с ней.

Делла красовалась на старинной кушетке. Она выглядела как на афише к одной из пьес с ее участием. Флинт, хотя и был на мгновение потрясен, сумел вернуть себе привычное бесстрастное выражение лица.

– Вы были пациенткой доктора Риса, верно?

Она стиснула зубы:

– Да, я посещала его около месяца.

– По какой причине?

– Я не понимаю, почему должна отвечать на этот вопрос.

Это не имеет никакого отношения к тому, что произошло здесь сегодня вечером, это я вам могу сказать точно.

Флинт примирительно склонил голову:

– Это ваша прерогатива. Но, пожалуйста, помните, что у нас будет полный доступ к записям врача, так что вы вполне можете все нам рассказать.

Но она хранила молчание.

Олив Тернер сидела у окна и смотрела на улицу, при этом ее лицо ее было белым, как мел. Она слегка вздрогнула, когда Флинт подошел к ней:

– Извините, – сказала она, – я глубоко потрясена случившимся.

– Все в порядке, это вполне понятно. Я просто хотел задать вам пару вопросов, пока события сегодняшнего вечера еще свежи в вашей памяти.

Экономка неопределенно махнула рукой:

– Задавайте.

– Этот посетитель – мужчина, который приходил к доктору Рису до визита мисс Куксон. Вы полностью уверены, что вы никогда его раньше не видели?

– Да. Это незнакомец. Все в нем, его лицо, голос... Было похоже, что он замаскировался. Как будто он пытался

скрыть, кто он такой на самом деле.

– Как вы думаете, почему?

Олив посмотрела на него остекленевшим взглядом:

– Откуда мне знать?

– Вы сказали, что доктор Рис ожидал его. Доктор как-то намекал вам, о чем пойдет речь?

– Нет. Но я предположила, что он, должно быть, его пациент. Доктор держал список своих пациентов в секрете.

– И он регулярно принимал пациентов по вечерам?

– Нет. Он строго придерживался дневных часов. Вот почему у меня возникли подозрения.

– И что-то в поведении этого человека вас насторожило?

Она задумалась на мгновение:

– Он был немного похож на раненое животное. Было в нем было что-то дерганое и неуравновешенное, и было непонятно, что он будет делать дальше. Кроме того, он был здесь в первый раз.

– Почему вы так думаете?

– Когда я сказала ему, что доктор ждет его в кабинете, он направился к лестнице. Посетитель, который уже был в доме, должен знать, что кабинет находится на первом этаже. Это логично.

– Хм! – Флинт постучал по подбородку мозолистым указательным пальцем. – Это очень полезное наблюдение, спасибо, миссис Тернер.

Флинт оставил женщин и снова направился в кабинет. Его

коллега Джером Хук сопровождал его, делая пометки в блокноте.

– Итак, – начал Флинт, – давайте повторим действия доктора. Он работал над своими записями. Мы знаем, что он писал?

– Он печатал статью для *The Alienist Review*. Его записи неполные: фактически они обрываются на середине предложения, как будто его прервали.

– Можно предположить, что он работал над этой статьей, когда Олив принесла ему ужин. И именно тогда он дал ей странное указание: «Не провожайте его, просто направьте и дайте ему самому найти дорогу в кабинет». Почему он так поступил? Давайте предположим.

Хук обдумал вопрос:

– Он не хотел, чтобы Олив слышала их разговор. Даже малую его часть. Может быть, она любила подслушивать.

– Возможно. Мы знаем, что она подслушивала у двери кабинета, по крайней мере один раз. Верно. Итак, она ставит тарелку с сыром и уходит. Затем в четверть одиннадцатого, она слышит, как посетитель стучит в дверь. Мы не знаем, что делал доктор Рис в это время, но можем предположить, что он ужинал и работал над статьей. Итак, посетитель приходит. Рис впускает его в кабинет, запирая дверь. Они что-то тайно обсуждают, а затем посетитель уходит. Свидетелем его ухода становится Олив. Она идет проведать доктора, но ее не пускают в кабинет. Однако мы знаем, что тогда он еще жив,

потому что он разговаривает с ней через дверь. Что дальше? Олив поднимается по лестнице и слышит, как в дверь стучит Делла...

– Нет, не так, – вмешался Хук. – Ты забываешь о телефонном звонке.

– Действительно, забываю. Телефон звонит в одиннадцать сорок пять. Мы уже отследили звонок?

– Отследили, – кивнул Хук и заглянул в свой блокнот. – Потребовалось некоторое время, но я сам поговорил с телефонисткой. Звонок был сделан из квартиры в Дюфрейн-Корт. Эта квартира зарегистрирована на Флойда Стенхауса, музыканта. Он был одним из пациентов доктора.

Флинт хмыкнул. Музыкального слуха у него не было, и музыка его не интересовала.

– Стенхаус. Я поговорю с ним. Так, что дальше? Олив – да благословит Бог ее любознательную душу – слушает разговор. Затем она возвращается на кухню, чтобы забрать книгу. И когда снова выходит в коридор, то видит на пороге Деллу Куксон. Следовательно, убийство должно было произойти в течение двух минут между окончанием телефонного разговора и появлением Деллы Куксон. Похоже на правду?

– Да, сэр.

Флинт улыбнулся:

– Но в то же время это совершенно невозможно.

Пока он произносил эти слова, домой вернулись Лидия Рис и Маркус Боуман. Услышав суматоху в прихожей, Флинт

вышел им навстречу. Маркус что-то бормотал и чувствовал себя неловко в присутствии суровых полицейских, но Лидия оставалась совершенно спокойной.

– Что-то случилось? – спросила она.

– Боюсь, что да, – сказал инспектор. – Вы Лидия Рис?

– Да.

Флинт сдержанно кивнул:

– Тогда, боюсь, у меня для вас плохие новости. Мы можем где-нибудь поговорить?

Лидия казалась невозмутимой, пока вела Флинта вверх по лестнице в свою спальню. Флинт встал рядом с ней, когда она села за туалетный столик и начала снимать украшения.

– Ваш отец умер, мисс Рис.

– Вот как.

– Мне жаль, но он был убит. У себя кабинете.

– Это сделал один из его пациентов?

Флинт был немного удивлен таким вопросом:

– Его пациенты были жестокими?

– Ну, а что еще это может быть? Ограбление?

– Полагаю, мисс Рис, мне нужно спросить вас: знаете ли вы, почему кто-то мог желать зла вашему отцу?

Лидия уставилась на свое отражение в зеркале. Впервые Флинт заметил, что глаза у нее наполнились слезами.

– Как он умер? – Ее голос был холодным и четким.

– Ему перерезали горло.

– И у вас есть подозреваемые?

– Пока нет. Вот почему я хочу спросить вас: есть ли какая-нибудь причина, по которой кто-то мог хотеть причинить ему вред? – Она медленно покачала головой. – Вы не заметили ничего необычного в его поведении? Он не выглядел обеспокоенным или испуганным?

– Мой отец никогда ничего не боялся.

– Кого он ждал сегодня вечером?

Она обдумала вопрос:

– Никого. Насколько я знаю, никого.

– У него не было назначено никаких встреч, насколько вам известно?

– Если бы были, я бы вам сказала.

Флинт задумчиво выдохнул:

– Но сегодня вечером у него было два посетителя.

Лидия отвернулась от своего отражения, чтобы посмотреть на инспектора:

– Кто?

– Мужчина в плаще. Миссис Тернер впустила его.

– И кто это был?

– Она не знает. Этого мужчину она никогда раньше не видела. Может, у вас есть идеи, кто это мог быть?

– Если бы я могла, я бы вам сказала. Поверьте мне.

– Он провел некоторое время с вашим отцом в кабинете. Миссис Тернер не знает, о чем они говорили. Доктор Рис, кажется, хотел сохранить обстоятельства их встречи в тайне.

Лидия передернула плечами:

– Вот как. Нет, мой отец ничего не упоминал об этом. Вы думаете, что этот человек и был убийцей?

– Было бы удобно думать так, но у нас есть основания полагать, что ваш отец был еще жив, когда этот человек ушел. Но, естественно, нам нужно поговорить с ним, кем бы он ни был.

– А кто был вторым посетителем?

– Простите?

– Вы упомянули, что у моего отца было два посетителя сегодня вечером.

– А. Второй была его пациентка Делла Куксон.

Лидия сжала челюсть:

– Делла. Да, она посещала его несколько месяцев.

– Она пришла очень поздно и очень взволнованная. Очень хотела увидеть вашего отца. Ей нужно было о чем-то с ним поговорить. У вас есть идеи, что это могло быть? Леди ведет себя уклончиво.

Она покачала головой:

– Хотела бы я знать. Делла – интересный случай.

– Ваш отец обсуждал с вами своих пациентов?

– Конечно. С сугубо профессиональной точки зрения.

– Почему она хотела поговорить с ним? Вы можете сказать хотя бы в общем?

Последовала долгая пауза, во время которой Флинт смог украдкой оглядеть комнату боковым зрением. Здесь были полки, уставленные книгами, большой шкаф, а также рос-

кошная кровать с балдахином. Но все это создавало ощущение какой-то пустоты и бездушности, даже несмотря на то, что здесь жила женщина.

– Вы думаете, она убила моего отца?

– Мы считаем, что убийство должно было произойти в какой-то момент между уходом неизвестного мужчины и приходом Деллы.

– Тогда я не могу вам сказать. Мой отец никогда бы не допустил нарушения врачебной тайны. Даже если бы это помогло раскрыть его убийство.

– Мы будем просматривать его записи, Лидия. Мы увидим все, что там есть.

– Я уверена, что увидите. Но я дорожу своими принципами. Отец никогда бы не позволил мне забыть о них, чтобы дать вам не относящуюся к делу информацию.

Флинт кивнул:

– Справедливо. И если быть откровенным, меня больше интересует мужчина. Пока мы его не опознаем, у нас не будет шансов поймать убийцу. Так что если вы вспомните что-нибудь, что угодно, чем вы сможете поделиться с нами, любую крупную информацию, неважно, насколько незначительную, я буду очень благодарен. – Он встал. – Я оставляю вас одну, мисс Рис. – И направился к двери. Затем почти в последнюю минуту обернулся. – И последнее. В кабинет вашего отца нет какого-то тайного входа?

– Что вы имеете в виду?

– Кроме двери в холл и французского окна, есть ли еще какой-нибудь способ попасть в комнату или выйти из нее?

– Нет. Ничего подобного.

Флинт кивнул. Этого ответа он и ждал.

– Спасибо, мисс.

И он оставил ее одну.

Спускаясь по лестнице, инспектор Флинт услышал, как Маркус Боуман забрасывает сержанта Хука вопросами:

– Что случилось? Что вам нужно? Куда вы дели Лидию? Где она?

– С ней все в полном порядке, мистер Боуман, – ответил инспектор. – У нее просто шок, вот и все.

Боуман направился к лестнице:

– Тогда позвольте мне увидеть ее, мне нужно с ней поговорить...

Флинт уперся ладонью в грудь молодого человека, удерживая его:

– Не сейчас, сэр. Мне нужно задать вам несколько вопросов.

– В чем дело? Что случилось?

– Доктор Ансельм Рис мертв, сэр. Убит. Его убили в течение последнего часа. – Это заставило Маркуса замолчать.

– Я должен спросить, где вы были сегодня вечером.

– Я... я был с Лидией. Все время. Она вам расскажет. Боже мой, вы же не хотите сказать, что думаете, будто я...

– Где вы были?

– В «Савое». Мы... мы ужинали там.

– А потом?

Последовало неловкое молчание:

– В клубе. В Сохо.

– В каком клубе?

– В «Пальмире».

– И во сколько вы ушли?

– Только что. То есть всего несколько минут назад. Мы приехали сюда на такси. Я... я сказал, что провожу ее домой.

– Очень по-рыцарски с вашей стороны, сэр.

Боуман смотрел на него пустым взглядом:

– Ну, я... оставил здесь свою машину, видите ли.

Флинт отвел сержанта Хука в сторону:

– Я хочу, чтобы его допросили. Я хочу, чтобы дом обыскали. Малейшие детали. Следы. Отпечатки пальца в пыли. Пусть ничто не ускользнет от вашего внимания. Я возвращаюсь в участок. – Тут он сделал паузу. – А потом мне нужно будет кое-кого навестить.

– Да, сэр. Кого, сэр?

* * *

Несколько часов спустя, около десяти утра Лондон дремал под моросящим дождем, а инспектор Флинт вышел из полицейской машины в Патни. Перед ним вырисовывался паб «Черная свинья» во всем своем ветхом великолепии. Почти-

стив скребком ботинки от грязи, он направился внутрь.

Барменша жестом указала на отдельную комнату (она знала Флинта и кто ему нужен). Он прошел через низкий дверной проем в соседнее помещение, где на половицах перед незажженным камином были искусно расставлены старые кресла. Изъеденная молью голова оленя гладела со стены над камином.

Джозеф Спектор сидел в одиночестве, рассеянно перебирая колоду карт. Флинт сел напротив него.

– Выглядите изможденным, – сказал старый фокусник, не поднимая глаз. – Похоже, утром вы не брились.

– Я работаю с полуночи.

Взгляд Спектора метнулся вверх:

– Кого-то убили, не так ли? Кто-нибудь, кого я знаю?

– Психиатра. Доктора Ансельма Риса.

– Рис мертв? И кто его убил?

Флинт сложил пальцы домиком. Так он делал, чтобы показать, что настроен серьезно:

– Как вы думаете, почему я сижу перед вами?

– Понятно... – Спектор откинулся назад, вытянув руки над головой. Костяшки его корявых пальцев хрустнули, как сучья. Он зевнул. – Рассказывайте.

Флинт подробно изложил события предыдущего вечера. Он нарисовал детальные образы главных действующих лиц: Лидия Рис и Маркус Боуман, экономка Олив Тернер и актриса Делла Куксон.

Когда они впервые встретились несколько лет тому назад, инспектор Флинт отнесся к Спектору с настороженностью, которую он проявлял к ловким мошенникам. В конце концов, Спектор был известным приверженцем темной стороны жизни и мог похвастаться одной из самых полных библиотек по преступному и сверхъестественному. Но именно эта «инаковость», окружавшая Спектора, делала его идеальным партнером в случаях «невозможных» преступлений. Полезный элемент знакомства с фокусником – это изучение того, как делаются фокусы.

Он никогда бы не назвал себя затворником, но в эти дни Спектор, как правило, ограничивался всего лишь несколькими значными местами. Сколько себя помнил, он жил в любопытном, приземистом домике на Джубили-Корт – куче кирпичей, слегка отдававшей готикой, которая, когда в ее окнах горел свет, казалась похожей на череп с подсветкой. Но чаще всего его можно было встретить здесь, в закутке «Черной свиньи», плохо освещенного паба с низкими балками, навесами на окнах, не говоря уже о медных кранах и бурчащем старом пивном насосе за баром. Кто-то назвал бы его мрачным, но как известно любому фокуснику, отсутствие света – лучший союзник.

– Хорошо, – кивнул Джозеф Спектор. – Итак, экономка Олив Тернер, мы ей доверяем?

– Да. Доверяем.

– Почему?

– По нескольким причинам. Первая: она ничего не выигрывала от убийства доктора Риса. В его завещании для нее нашлась лишь символическая сумма. Вряд ли из-за этого стоило убивать. Второе: она работала в доме всего пять месяцев. Я не думаю, что этого времени достаточно, чтобы зародить смертельную неприязнь. Мы твердо установили, что она и доктор Рис никогда не встречались до того, как Рис обосновался в Англии этой весной. И третье, – продолжал Флинт, – и для меня это решающий момент: Делла Куксон приехала в дом после убийства. И Олив впустила ее. Если бы она только что убила своего работодателя, как вы думаете, стала бы она делать что-то подобное?

– Справедливо. Первые два пункта бессмысленны, а вот третий имеет некоторый вес. А что насчет этой запертой комнаты? Давайте подробности.

– Туда можно попасть двумя способами. Через дверь и через французское окно. Оба были заперты изнутри.

– И все?

– Да. Поверьте мне, мы осматривали эту комнату несколько раз.

– Никаких следов оружия?

– Никаких.

– И двери никак не могли быть заперты снаружи?

– Никак. В обоих случаях ключ был в замке.

– Есть вероятность того, что с окном произвели какие-то манипуляции?

– Нет. Насколько я понимаю, Ансельму Рису перерезали горло в идеально закрытой комнате.

Джозеф Спектор улыбнулся:

– Мой любимый вид преступлений. Есть еще какие-нибудь примечательные особенности комнаты, о которых я должен знать?

– Ничего необычного. Стол. Книжные полки. О, и сундук.

– Что за сундук?

– Большой деревянный. Но его обыскали. Он был абсолютно пуст.

– Понятно. Мне нужно осмотреть его самому. Но, пожалуйста, продолжайте.

– Мы нашли два типа следов в заднем саду дома. Но к самому дому они не подходят, поэтому не получается установить связь между ними и убийством.

– Что-нибудь еще?

– Мы пытались выведать подробности у Деллы Куксон, но она молчит как рыба. Может, вы попробуете?

– Ну, я могу дать ей алиби. Большую часть вечера она была дома у продюсера Бенджамина Тизела. Примерно до одиннадцати часов. Мы все поехали туда после спектакля.

– Какая-то вечеринка?

– Да. Тизел – любитель такого рода мероприятий. Он любит музыку, танцы, выпивку, сигаретный дым.

– Вам же такое не нравится?

Спектор улыбнулся, разделил колоду карт на две части, а

затем снова сложил их вместе.:

– Вы удивитесь, что можно вытерпеть ради внимательной публики.

– И как долго она пробыла на вечеринке?

– Точно не могу сказать, но знаю, что она была там в десять тридцать, но к одиннадцати уже уехала.

– На такси?

– Полагаю, что да. Дом Тизела, должен заметить, находится в Хэмпстеде.

Флинт кивнул:

– Значит, чтобы добраться до дома в Доллис-Хилл, ей потребовалось бы не менее двадцати минут. И она приехала сразу после телефонного звонка.

– Телефонный звонок, – повторил Спектор, – да, мы к этому еще вернемся. Сейчас меня больше интересует Делла Куксон. Ее обыскивали?

– Мы осмотрели ее сумочку. Против ее воли, понятное дело. Но там не было ничего интересного. А что? Вы же не думаете, что это ее рук дело? Я имею в виду, она никак не могла попасть в кабинет, чтобы убить доктора. И даже если бы она это сделала, зачем потом идти к входной двери?..

– Позвольте вас прервать, – перебил его Спектор. – Хотя я признаю, что маловероятно, что она могла убить Риса при описанных вами обстоятельствах, я думаю, что мы не должны недооценивать ее роль в этом деле. Флинт открыл рот, но промолчал.

– Я имею в виду следующее, – продолжил Спектор. – У вас была возможность узнать истинную причину ее визита прошлой ночью? – Теперь Флинт медленно покачал головой.

– А знаете ли вы, почему она вообще стала пациенткой доктора? Позавчера вечером была премьера ее новой пьесы «Мисс Смерть», которая идет в «Гранате», и мне довелось работать над постановкой. Похоже, это будет хит. Вчера вечером, после второго показа продюсер устроил вечеринку в своем особняке. Там были актеры, драматург, режиссер и разные известные персоны из этого круга. Я хочу сказать следующее: на этой вечеринке произошло нечто такое, инспектор Флинт, что может представить убийство в новом свете.

– Так вы собираетесь рассказать мне или нет?

Спектор усмехнулся:

– Бенджамин Тизел – продюсер. Будет ли идти постановка для него вопрос жизни и смерти. И я знаю, что сегодня утром Тизел говорил об отмене вечернего представления. Надеюсь, это дает вам представление о том, насколько все серьезно.

– Серьезнее, чем убийство?

– Для Бенджамина – да. Во время вечеринки его ограбили.

– И какое отношение это имеет к Делле Куксон?

– Так вы еще не читали врачебные записи?

Флинт покачал головой.

– Она kleптоманка. Компульсивная воровка. Это секрет Полишинеля в «Гранате», и проблема стала настолько се-

рьезной, что она обратилась за помощью к доктору Рису. Это совершенно не для протокола, как вы понимаете, – отметил он в скобках, – но вчера вечером – до того, как она посетила доктора, – Делла украла нечто бесценное.

– Расскажите мне, – попросил Флинт.

И Спектор рассказал. Он начал пересказывать все, что видел сам, наряду с рассказами других присутствующих.

Вечеринка у Бенджамина Тизела представляла собой кульминацию декаданса. Ее центральным украшением была пирамида из бокалов с шампанским, а в дальнем конце комнаты трубило джазовое трио, в то время как молодая труппа и обслуживающий персонал кружились в вихре.

Сам Тизел обожал выступать в роли хозяина и для этого случая облачился в ярко-красную домашнюю куртку, чтобы точно не затеряться в толпе. Как правило, он нависал над самыми популярными членами труппы, опутывая их такой паутиной разговора, из которой они никак не могли выпутаться. Естественно, сегодня его внимание было сосредоточено на Делле Куксон.

Спектор тем временем устроился в дальнем углу бальной залы, куря свои сигариллы и угощаясь ликером Тизела. Хотя Спектор гордился своей почти сверхъестественной наблюдательностью, он должен был признать, что этот вечер не был его звездным часом. Он сосредоточил все свое внимание на том, чтобы развлечь гостей старыми карточными и монетными фокусами, и не заметил Тизела и Деллу, когда они про-

шли мимо.

В какой-то момент, в этом Спектор был уверен, Бенджамин Тизел и Делла Куксон ушли с вечеринки и поднялись наверх. Их не было около десяти минут. Затем, когда они вернулись, Делла поспешно попрощалась и покинула вечеринку. Это было в одиннадцать часов или около того. Тизел, казалось, был немного ошеломлен внезапным бегством главной актрисы. Но не настолько, как час спустя, в полночь, когда кража была обнаружена.

Он вышел в зал и резким взмахом руки заставил замолчать джазовое трио.

– Дамы и господа! – проревел он, перекрывая ропот, прокатившийся по толпе. – Всем оставаться на месте. Произошло ограбление.

* * *

– Так что она взяла? – хотел знать Флинт.

– Только один предмет. Это была картина *El Nacimiento* – «Рождение» – «безумного испанца» Манолито Эспины.

– Почему вы так уверены, что ее взяла именно Делла?

– Это единственное логичное предположение. Только она покинула вечеринку раньше, и поэтому только ее не обыскали.

– Не мог ли грабитель проникнуть в дом снаружи?

– Все окна и двери были наглухо заперты. Кроме разве что

входной двери. Но Тизел поставил туда двух горничных, чтобы впускать опоздавших. И они говорят, что никаких злоумышленников не было.

– Ну и ну. Это действительно очень странно.

– Кстати, я разговаривал по телефону с Бенджамином Тизелом до того, как вы приехали сюда сегодня утром. Он очень хочет вернуть свою собственность.

– Что он вам сказал?

– Он хочет, чтобы я занялся этим делом.

Флинт с недоверием откинулся в кресле:

– С какой стати?

Спектор пожал плечами:

– Он доверяет мне. Знает, что у меня есть определенный талант к таким делам.

– Он сказал вам что-нибудь еще?

– Да. Он изложил мне свою версию событий прошлой ночи.

* * *

– Пойдемте со мной. Я хочу вам кое-что показать.

С подвыпившей Деллой Куксон под руку Бенджамин Тизел вышел из бальный залы, где празднование было в самом разгаре. Он провел ее по винтовой лестнице в небольшую боковую комнату. На шнурке у него на шее висела пара ключей – один большой и один маленький. Большим ключом он

отпер дверь.

– Зачем ты привел меня сюда, Бенни? – игриво прошептала Делла в темноте.

– Я хочу вам кое-что показать. Кое-что, что, я уверен, вы оцените. В конце концов, вы культурный и чувствительный человек.

Через единственное окно в скудно обставленную спальню струился лунный свет. С болезненным стоном Тизел опустился на колени возле узкой односпальной кровати и вытащил из-под нее большой деревянный сундук. С помощью маленького ключа на шее он открыл его и поднял крышку.

– Пожалуйста, – сказал он, жестом приглашая Деллу подойти.

И там, под бит и взрывы джаза и танцы на первом этаже, она в первый и последний раз взглянула на сокровище Бенджамина Тизела. Внутри бархатной обивки сундука лежала прямоугольная картина в золоченой раме.

– Боже мой! – воскликнула Делла.

– Ага. – Тизел сиял от гордости. – Разве она не прекрасна?

Пытаться описать такое произведение – занятие неизбежно тщетное. На картине была изображена молодая женщина, держащая на руках младенца. Лицо женщины было гладким, как фарфор, кожа пронизана розоватым сиянием радости и блаженной невинности. Ребенок, с закрытыми глазами и кричащим ртом, был изображен идеально. Его крик практически можно было услышать.

– *El Nacimiento* Манолито Эспины, – объявил Тизел. – Разве она не божественна? – Делла уставилась на картину.

– Простите старому дураку потуги на грандиозность, но я не мог устоять перед возможностью поделиться этой картиной с тем, кто ее по-настоящему оценит.

– Где вы ее взяли? – спросила Делла.

– В путешествии, – последовал ответ, – купил у человека, который не имел ни малейшего представления об истинной ее ценности. Ну, Делла? Что скажете?

– Это... ослепительно. – Она не отрывала глаз от полотна. – Что вы собираетесь с ней делать?

– Делать? Делла, она моя. Я не должен ничего с ней делать.

– Вы не собираетесь разделить ее с другими, выставить на всеобщее обозрение или что-то в этом роде?

– Я бы никогда не выставил что-то подобное на показ, это было бы слишком вульгарно. Когда я любуюсь картиной в одиночестве, я испытываю нечто сродни религиозному экстазу. Это очень личное переживание. А что касается желания разделить... я делюсь ею с вами сейчас.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.